

НЕ ТАЩИТЕ МАСТЕРА НА БАРРИКАДЫ

В середине мая Россия отмечает столетие со дня рождения Михаила Булгакова. Кажется, и это чистейшее событие политизируется, втягивается в пугающую воронку последних месяцев, когда каждый день начинается пророчествами, которые спешат опровергнуть друг друга своим беспросветным оптимизмом. «Будет гражданская война», — предрекает один. «Что вы, это еще ничего, будет обязательно голод и людоедство», — спешит поправить другой. В такое время литературные даты и рубрики как никогда привлекаются для обслуживания современности. «А что он там пророчил, ваш классик, что предвещал? И что сбылось, и что не сбылось?»

ЯВЛЕНИЕ Булгакова в русской культуре занимает совершенно особое место. Чисто литературное значение тут отступает на задний план перед тем, что иногда называют булгаковским мифом. Последний зародился в середине 60-х годов, когда одна за другой стали выходить основные вещи писателя, но прежде всего «Мастер и Маргарита». «Закатный роман», покалеченный цензурой, описывал не только ситуацию сталинского времени. Он предлагал осознать всю послереволюционную эпоху в свете устойчивых и заново переосмысленных христианских ценностей. Транскрипция этих ценностей в особым образом организованную прозу привела к неожиданному результату: книга Михаила Булгакова стала восприниматься свежей публикой как своего рода советское Евангелие. Кошунственное возведение беллетристики в не свойственный ей сан было вполне объяснимо: Библия не издавалась десятки лет, ее мотивы и образы были почти забыты. И вдруг они вернулись в массовое сознание через художественный текст.

Все слагаемые, необходимые для рождения булгаковского мифа, соединились в одной точке и в необходимое время. Это была, конечно, превосходная проза, устроенная по принципу Библии, — и для просвещенного, и для профана здесь находились своя пища и свой уровень понимания. За книгой стояла судьба автора, претерпевшего гонения и запреты и умершего в сорок восемь лет (без этой обязательной авторской крови, без личного жертвоприношения писательский миф в России не живет). Наконец, книга появилась в самый последний момент перед тем, как захлопнулась дверь. Конец 1966-го — начало 1967 года (роман вышел в журнале «Москва» именно в эти месяцы) был временем прощания с хрущевским либерализмом. Общество, не успевшее вздохнуть полной грудью после десятилетий террора, вновь замерло, заслышав знакомый посвист полицейского бича.

В НОВОЙ эпохе, которую потом закрепят в ласковом слове «застой», роман Булгакова и сама его жизнь стали превращаться в мифологему. К булгаковским местам, обозначенным в топонимике московских глав романа, началось паломничество. Тысячи юных и бородастых Левиев Матвеев стали записывать свои версии «Евангелия от Булгакова» на стенах подъезда знаменитого московского дома на Садовой с тем же упорством, как на журнальных скрижалях. Книга приобрела сверхлитературное значение. Она учила терпению, вселяла надежду, давала какую-то новую точку зрения на совдепительность. В сущности, книга подрывала основу основ «передового» мировоззрения, на котором мы все воспитывались: веру в прогресс, в линейность истории, которая неизбежно движется к самому лучшему из миров. В одном из первых откликов на «Мастера и Маргариту» в «Литературной газете» автор этих строк, восторгаясь романом в целом, с юношеской отвагой пытался указать на некоторую старомодность взглядов задушенного писателя: история, мол, у Булгакова не развивается, а просто длится. Четверть века назад этот прогрессивный вздор казался очевидностью!

Мифологическая трактовка искусства Булгакова имела свои негативные последствия. При таком подходе читателей, а часто и исследователей мало интересует реальный ход жизни и литературной биографии творца. Миф требует веры, а не анализа. К тому же условия развития критической мысли в 60—70-е годы обязывали к соблюдению некоего ритуального этикета по

отношению к любым текстам, созданным после революции. На протяжении многих лет усилия лучших умов сосредоточивались на том, как легитимизировать Булгакова, то есть доказать его «законность» в советской литературе (при естественной исторической «ограниченности» сына профессора Киевской духовной академии!). Надо было также доказать некоторую обязательную эволюцию Булгакова в сторону советской действительности и ее притягивания. Не доказав последнего, нельзя было бы издавать писателя.

Так и произошло: вплоть до са-

оказывается не кем иным, как товарищем Сталиным, а укушенный Борменталь — Троцким, получившим коварный удар от товарища Сталина. Ортодоксальные христиане обвиняют Булгакова в идеализации дьявола и в прямом сговоре с ним. А некоторым отчаянным прогрессистам кажется, что самое главное сейчас указать, что Булгаков от начала и до конца не принимал ни революции, ни режима, ею установленного, и потому, мол, враги, расправившие его в 20-е годы, были абсолютно правы в своих приговорах.

Рис. Михаила ЗЛАТКОВСКОГО.

мых последних лет едва ли не половина булгаковского наследия хранилась в архиве, доступ к которому был загражден так, как будто бы речь шла о военной или государственной тайне. Теперь те, кто приказывал «не пущать», а главным образом улыбкавший товарищ Лосев из архива ГБЛ, торгуют «запрещенным» Булгаковым направо и налево, наживая себе капитал на поднадзорном авторе.

БУЛГАКОВА осваивают и присваивают с давних времен. С конца 60-х его пытались сделать идеологом современного почвенничества, объявив главным героем романа Иванушку Бездомного. Мудрецы из Америки разыгрывают при помощи Булгакова политические шарады (немедленно у нас перепечатанные), в которых бедный Шариков

Ленинградскому одаренному критику М. Золотому «как-то больше хочется поверить» не либералу-шестидесятнику В. Лакшину, который полагал, что Булгаков «не считал себя противником нового мира», а именно Леопольду Авербаху, «который с пеной у рта доказывал, что фантастические повести Булгакова — это «злая сатира на Советскую страну, откровенное издевательство над ней, прямая враждебность...»

Как печален этот курбет освобожденного ума! На веру принимается не «великодушное презрение», отмеченное в искусстве Булгакова Анной Ахматовой, а именно злобная политическая пена, «издевательство», которое сводит на нет не только Булгакова-мыслителя, а именно Булгакова-художника, спо-

собного, по его собственным словам, великими усилиями стать бесстрастно над красными и белыми. Неужели эти «великие усилия» ничего уже не стоят? Неужели «издевательство» над своей страной, попавшей в беду, может создать великого писателя? И неужели он двоедушничал, когда в ответственном документе своей жизни написал о «Багровом острове», брызжущем, по выражению друзей Авербаха, «отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы», неужели он лукавил, когда отвергал это политическое обвинение и объявлял, что «пасквили на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквили, а Главрепертком — не революция?»

НЕДАВНО в массовое сознание выброшены дневники молодого Булгакова, извлеченные из архивов ГПУ — КГБ. В мае 1926-го эти дневники были арестованы, потом возвращены автору, но перед тем скопированы не очень грамотными машинистками грозного учреждения. Дневник не подвергся еще сколько-нибудь серьезной текстологической критике, но уже шумят народные витии. Бог ты мой, какая удача, в дневнике рассыпаны несколько «пикантных» замечаний типа: «Пели артисты Большого театра. Пел в числе других Викторов — еврей, драматический тенор с отвратительным, пронзительным, но громадным голосом». Или: Эррио, французский премьер, заигрывает с большевиками и даже допустил их в Париж. «У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Л(юба) мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио».

Тем, кто счастлив находке, могу подсказать еще одну, того же порядка. Вот интеллигентнейший Станиславский пишет жене, что палуба на океанском пароходе чудесная, но он гуляет там мало, потому как все места на палубе заняты жидами. Прямо так и написал, а мы это семьдесят лет не печатаем, потому как стесняемся. И про Эррио не сразу напечатали, и про певца Виктора. Ну, не начинать же архивные разыскания в доказательство того, что Эррио, этот несчастный, не еврей, а «жиды на палубе» — эмигранты, которые плывут в Америку не в двухкомнатной роскошной каюте, в которой находится основатель МХТ, а в трюме. И единственная возможность подышать для них — выйти на палубу. Ни Станиславского-художника, ни Булгакова-писателя к бытовой шелухе не сведешь, хотя и ее не надо скрывать в архивах, а надо знать и трезво оценивать.

Когда думаешь о еврейском ферменте русской революции и как это отражено в искусстве Булгакова, вспоминаешь не Эррио, а фанатика Швондера, который творит историю вместе с фанатиком-ученым Преображенским (вместе они, и куда их не развести). Вспоминаешь «Белую гвардию» и человека у Цепного моста в разорванном и черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови, которого волокли по снегу два хлопца, «а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только ухал...

— А, жидовская морда! — иступленно кричал пан куренной, — к штабелям его, на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться...»

Но окровавленный не отвечал яростному пану куренному. Тогда пан куренной забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтобы самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренной не рас-

считал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то в ней крикнуло, черный не ответил уже «ух»... Повернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной и унавоженной земли. Пальцы крючково согнулись и загребли грязный снег. Потом в темной луже несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих».

Это видит и это пишет не обыватель Булгаков, а великий писатель Булгаков, способный в искусстве подняться не только над красными и белыми, но и над предрассудком собственной мысли.

Он мог написать в том же дневнике (оценивая болгарские события 1923 года), что «эти второстепенные славянские государства столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма». И это не значит, что он славянофоб. Запечатлевший «душу русской усобицы», он понимал как художник грандиозность революции, то есть ее глубочайшую укорененность в прошлом, в том, как развивалась отечественная мысль, в историческом характере своего народа, наконец. Булгаков мог заявить в «Письме правительству» о том, что он «МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ», указать на «страшные черты моего народа», которые вызвали величайшие страдания Салтыкова-Щедрина. Сведя все к политике, к тому, принимал он или не принимал большевиков, мы, по сути дела, уничтожаем писателя Булгакова. Впрочем, нам не привыкать. Сходную операцию мы уже проделали с Блоком, и с Маяковским, и с Горьким. Вероятно, освобожденный ум должен подняться той «прометчивости», с какой Михаил Булгаков написал в том же дневнике: «Я читаю мастерскую книгу Горького «Мои университеты»... Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие стр(ашные) и важные вещи говорит он о писателе».

ИСКУССТВО у нас всегда было служанкой политики. Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. Это впитано с детства. Мы перевариваем великие явления духа, приспосабливаем их для мелких политических целей, подвижных, как флюгеры. Кровавая трагическая история превращается в примитивный фарс, из которого невозможно извлечь никакого дальнотойного смысла. Мы знаем только два прета, меняем знаки, переименовываем улицы и города, но ничего не меняем изнутри. Мы по-прежнему жаждем революции — и «за ценой не постоим». Поэтому так поспешили назвать нашу перестройку революцией, чтобы вписать ее в любой контекст и заведомо оправдать ее бессмысленные жертвы. Каким же неисправимым архаизмом выглядит сегодня Михаил Булгаков, пытавшийся противопоставить революционной ломке страны «излюбленную и Великую Эволюцию».

Завершая «Белую гвардию», писатель предлагал осатаневшим современникам обратить свой взгляд на звезды и с той точки зрения понять бессмысленность вражды и ненависти: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останутся на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

К чему веду? Да к самому простому. Не торопитесь менять знаки. Не тащите Михаила Булгакова на наши баррикады. И так хватает жертв.

Аватолий СМЕЛЯНСКИЙ.